

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38

Научная статья

Особенности политического развития Африки в постколониальный период

В.М. Кассае Ныгусие, Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению особенностей становления и развития Африки в постколониальный период. Изучаются такие фундаментальные вопросы, как процесс образования современных государств в Африке, формирование правящей элиты и ее влияние на политическую и социально-экономическую систему, роль армии и этнических конфликтов в процессе оформления государственности. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в российской и зарубежной исторической науке пока не сформировалось единого мнения относительно того, как оценивать последствия колониального периода для Африки. Плюрализм мнений, с одной стороны, порождает необходимую для исследования дискуссию, а с другой — вносит деструктивный дисбаланс в представление о регионе в целом. В качестве новизны исследования следует отметить неопатримониалистический подход к изучению особенностей постколониального периода в Африке. С его помощью выделяются отдельные тематические блоки, помогающие оценить последствия колонизации для развития стран континента. Исследуется соотношение традиционных и вестернизированных элементов политической культуры стран Африки. Заимствование политических институтов и теорий государственности также рассматривается не только как следствие колониального прошлого, но и как политический выбор первых национальных лидеров африканских стран в их стремлении выбрать эффективный путь развития и найти баланс между традицией и модернизацией.

Основная цель исследования заключается в оценке итогов деколонизации в контексте межэтнических, военных и политических аспектов становления африканских государств. Полемичность принципов понимания постколониального периода развития Африки породила необходимость использования в качестве методологической базы функционального подхода. Это обусловлено потребностью изучения принципов функционирования политической системы региона, а не отдельных государств. Также неопатримониалистический подход породил использование компаративного метода для сопоставления основных теоретических постулатов и реальной ситуации в Африке. Обширный пласт источников и литературы на русском и английском языках необходим для отражения многовекторных возможностей исследования африканских проблем.

Ключевые слова: постколониальный период, неопатримониализм, формирование политических элит, этнические партии, межгосударственные политические группы

Для цитирования: Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 22—38. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38

Research article

Features of the Political Development of Africa in the Postcolonial Period

W.M. Kassaye Nigusie, N.V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the features of the formation and development of Africa in the postcolonial period. The authors study such fundamental issues as the formation of modern States in Africa, the formation of the ruling

© Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

elite and its influence on the political and socio-economic system, the role of the army and ethnic conflicts in the process of state formation. The relevance of the research is due to the fact that Russian and foreign historical science has not yet formed a common opinion on how to assess the consequences of the colonial period for Africa. Pluralism of opinions, on the one hand, generates the discussion for research, on the other, introduces a destructive imbalance in the representation of the region. As a novelty of the study, it's necessary to note the neo-patrimonial approach to studying the features of the postcolonial period in Africa. It identifies separate thematic blocks that help assess the impact of colonization on the development of countries on the continent. The article also considers the correlation between the traditional and westernized elements within African political culture. The borrowing of political institutions and statehood theories is also considered not only as a consequence of the colonial past, but also as the political choice of the first national leaders of Africa, in the framework of their aspiration to choose an effective development way and to find a balance between the tradition and modernization.

The main purpose of the study is to assess the results of decolonization in the context of ethnic, military and political aspects of the formation of African States. The polemic nature of the principles of understanding the postcolonial period of African development has led to the need to use a functional approach as a methodological basis. This is due to the need to study the principles of functioning of the political system of the region, rather than individual states. The neo-patrimonialist approach also gave rise to the use of a comparative method to compare the main theoretical postulates with the real situation in Africa. A vast array of sources and literature in Russian and English is needed to reflect the multi-vector possibilities of research on African issues.

Key words: postcolonial period, neo-patrimonialism, formation of political elites, ethnic parties, intergovernmental political groups

For citation: Kassaye Nigusie, W.M. & Ivkina, N.V. (2020). Features of the Political Development of Africa in the Postcolonial Period. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 22—38. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38

В 1945 г., когда была основана Организация Объединенных Наций, среди учредителей было четыре африканских государства: Египет, Либерия, Эфиопия и Южно-Африканский Союз. В 1950-е гг. добились независимости и вступили в ООН Ливия (1952), Судан, Марокко, Тунис (1956), Гана (1957) и Гвинея (1958). 1960 г. вошёл в мировую историю как «Год Африки». В этот период на карте мира появилось 17 новых государств. Один за другим у штаб-квартиры ООН поднимались флаги независимых африканских стран. Весь мир следил за событиями на континенте. А завершился «Год Африки» принятием 14 декабря 1960 г. на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам¹. Это важная веха в истории Африканского континента.

Декларация подтвердила право всех народов на самоопределение и провозгласила необходимость скорейшего и безоговорочного

искоренения колониализма. Два года спустя был учрежден Специальный комитет по деколонизации для контроля за осуществлением Декларации. В результате этого процесса независимость получили многие территории с последующим членством в ООН.

С «классическим» колониализмом было покончено в середине 70-х гг. XX в. С оружием в руках завоевали независимость народы португальских колоний — Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде. Затем настал черед колониально-расистских режимов Юга Африки. Для национально-освободительных движений Юга было характерно сочетание вооруженных и политических форм борьбы. В 1980 г. правление большинства было установлено в Зимбабве, в 1990 г. — в Намибии, в 1994 г. — в ЮАР. В распаде колониальной системы была большая заслуга и Советского Союза. Руководитель страны того периода Н.С. Хрущев настаивал на принятии Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Денисов, Урнов 2010].

Как и в колониальные годы, Африка продолжает сохранять ключевую роль на мировых рынках минеральных и углеводородных

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 03.01.2020).

ресурсов. И эта роль континента с каждым годом возрастает. На Африку приходится большая доля мировых запасов высоковольтных сегодня минералов: 50 % — тория и урана, столько же — фосфатов, кобальта, марганца; 85 % — платины, 80—90 % — хрома, свыше 80 % — алмазов, колтана и т.д. Еще большее значение приобретают новые измерения природно-ресурсного потенциала. К ним относятся: биоразнообразие — на Африку приходится более 25 % видов млекопитающих, 20 % видов птиц и 24 % растений; наличие обширных органически чистых, пригодных для сельского хозяйства земель (свыше 400 млн га) и лесов; наличие большого потенциала возобновляемых энергетических ресурсов — солнечных, ветровых, гидроресурсов; большой потенциал пресной воды [Африканские страны в современных международных отношениях... 2017: 9].

Теоретическая основа исследования

Принято считать, что в рамках классических теорий международных отношений африканские исследования по большей части укладываются в постулаты неомарксизма. Это следует из двух соображений. Во-первых, отсутствие высокого уровня развития периферийных стран заставляет их накапливать капитал, бороться за экономическую справедливость, противопоставляя себя капиталистическим странам [Whitaker, Clark 2018: 13]. Во-вторых, сторонники неомарксистской теории, изучая развивающиеся страны, не могли обойти стороной феномен эксплуатации бывшими метрополиями колониальных территорий. Так, например, видный сторонник критической теории и теории постколониализма Ф. Фанон в своем труде отмечает, что «европейцы использовали идеологию превосходства для угнетения африканских народов как до, так и после крушения колониализма» [Fanon 2005: 112].

Если первая часть утверждения не вызывает вопросов, так как это было неоднократно доказано в рамках постколониальных исследований, то вторая — провоцирует жаркие споры между сторонниками западных и

незападных теорий международных отношений. Примером служит тот факт, что европейские страны вкладывают большие инвестиции в развитие африканских экономик, инфраструктуры и гуманитарных отраслей. В этом контексте можно утверждать, что идеи неомарксизма применимы к изучению внутриполитической ситуации в африканских странах, а также к исследованию их отношения к бывшим метрополиям.

Однако если речь идет о процессах, определяющих последствия колониальной политики, то следует обратить внимание на локальные теории, дающие возможность рассматривать не только государственный или частный секторы, но и оценивать разделение власти (партийное устройство и институт лидерства) и этническую проблему, характерную для Африки до сих пор.

В данном исследовании в качестве теоретической базы предлагается неопатримониалистический подход. В отличие от классических парадигм международных отношений, также имеющих характерную экспоненту нео-, неопатримониализм претерпел существенные изменения по сравнению с патримониализмом. Если второй термин относится к традиционной форме правления, описанной М. Вебером, как близкий авторитарному режиму, первый подразумевает под собой процесс изучения постколониальной системы, включая политические партии, законодательные органы, формальные институциональные структуры [Cheeseman, Bertrand, Husaini 2019].

В полной мере считать неопатримониализм полноценной теорией сложно. Так же как и классические теории, он пытается осмыслить феномен государственности и процессов, происходящих на мировой политической арене. В рамках африканских исследований государства рассматриваются как нечто иллюзорное или неформальное в силу того, что слабо обеспечивается верховенство закона, а возможности для осуществления свободной государственной политики крайне ограничены. При этом государства обладают весом в том смысле, что их политические элиты стремятся к получению максимального

контроля над всеми сферами внутренней и внешней политики [The Palgrave Handbook of Political Elites 2018: 246].

В качестве основных процессов на мировой политической арене неопатримониализм рассматривает борьбу за власть и за покровительство, инициированную элитами [Bratton, Van de Walle 1994: 487]. Также неопатримониалистический подход поднимает вопрос легитимности власти, что для многих стран Африки крайне актуально.

По мнению Б.Дж. Бермана, в постколониальную эпоху получение новыми странами государственной легитимности² стало самой трудной задачей в условиях государственного управления [Berman 1998: 305—306]. Искусственно созданные в постколониальную эпоху границы африканских государств стали причиной этнических, социальных и религиозных разделений. Но даже в тех странах, где с 1990 по 1993 г. (период бурного проведения президентских выборов) состоялся переход к демократическим режимам, военные и однопартийные режимы полностью так и не исчезли. Для доказательства этого факта в статье будет рассмотрен феномен этнических партий в Африке и военный аспект государственного управления.

В связи с этим целью исследования является необходимость доказательства постулатов неопатримониализма, связанных с итогами деколонизации в Африке и определением современной ситуации в отношениях метрополий с бывшими колониями. Для достижения поставленной цели предлагается выделить основные проблемы, с которыми столкнулись африканские страны в период формирования независимости, оценить действия правящей элиты, а также структуру партийной системы в привязке к особенностям влияния на эти процессы бывших колониальных держав. Для подтверждения или опровержения тезиса о процессах борьбы за власть и покровительстве стоит рассмотреть межэтнический и межгосударственный уровни отношений стран Африки и влияние на них отдельных третьих стран.

² Не синоним суверенитета.

Проблемы формирования современных государств Африки

В настоящее время в Африке расположено 55 государств, включая Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР), признанную 84 государствами — членами ООН и являющуюся членом Африканского союза (предшественника Организации африканского единства) с 1984 г. Моноэтнических государств в Африке практически нет³. Поэтому этническая стратификация (неравномерное распределение этносов по многонациональной территории, неравные возможности доступа к экономическим ресурсам и социальным благам) является одной из наиболее актуальных проблем стран Африки.

Некоторые исследователи полагают, что нынешние проблемы африканских обществ насаждались европейскими колонизаторами⁴, разделившими Африку на несколько территориальных образований в конце XIX в., и спустя 70 лет, в 60-е гг. XX в., трансформировали их в государства. Но нельзя полностью согласиться с данным утверждением. Методы, которые использовали колонизаторы для формирования будущих независимых государств, действительно оказали негативное влияние на современную ситуацию на континенте. При делимитации границ не были учтены ни особенности исторического расселения африканских этносов, ни политические, этнические, экономические или культурные особенности, определяющие многообразие местных племен.

Весьма спорным является также предположение о том, что колонизаторы, покидая Африку, планировали разжечь этноконфессиональную рознь с целью сохранения своего господства. Ряд экспертов даже предположили, что именно период колониализма подтолкнул народы Африки к борьбе за самоопределение: «Можно утверждать, что

³ Условно моноэтническими считаются Лесото и Мадагаскар.

⁴ Deng F.M. Ethnicity an African predicament // Brookings. June 1, 1997. URL: <https://www.brookings.edu/articles/ethnicity-an-african-predicament/> (accessed: 08.01.2020).

колониализм породил регрессивные идеи об африканской идентичности, которые стали центром националистической и антиколониальной борьбы» [The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History 2018: 431].

Необходимо отметить, что колонизаторы не могли действовать иначе, кроме как произвольно устанавливая политические границы в целях раздела сфер влияния. Это было обусловлено, прежде всего, следующими обстоятельствами: во-первых, при подписании Берлинского соглашения 1885 г.⁵ европейцы не ставили перед собой задачу сохранения этнических границ в Африке, в решениях конференции были изложены лишь правила раздела территорий континента; во-вторых, они действовали в условиях отсутствия глубоких знаний об этническом составе объекта их притязаний⁶.

Переход от территориальных образований к государственности в Африке отличался от европейского и американского тем, что он навязывался внешним миром, из метрополий, а не был естественным внутренним процессом, совершался в условиях диффузии самоидентичности населения континента. Полиэтнические государства создавались без учета таких важных составляющих элементов, как общее прошлое (история), общая культура, общий язык, естественные границы [Кассае Ныгусие 2016b].

Кроме того, сам процесс шел очень быстро, африканские чиновники не только не имели опыта разрешения межэтнических конфликтов, но и не были готовы управлять многонациональными образованиями. В итоге в Африке образовались хрупкие, несовершенные, чуждые местным социумам политические системы, которые оказались не в состоянии справиться с требованиями этнических групп, отстаивающих свои интересы.

⁵ Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции. Берлин, 14/26 февраля 1885 г. URL: <http://istmat.info/node/27251> (дата обращения: 02.01.2020).

⁶ В Кении, Танганьике, Уганде и Нигерии колониальным властям удалось достичь приблизительного совпадения административного деления с областями расселения ранее проживающих здесь этнических групп.

Современные африканские государства по большей части являются продуктами политической мысли Европы, а не Африки⁷. После завоевания независимости правящие элиты стран Африки столкнулись с необходимостью становления национальной государственности. Созданная европейцами система управления не была в состоянии отвечать интересам социально-экономического и духовного развития общества, вступившего на путь независимого развития. Хрупкие, несовершенные, чуждые местным социумам государственные структуры зачастую оказались не в состоянии справиться с вызовами этноконфессиональных групп, отстаивающих свои эгоистические интересы. Это относится как к странам, где правили военные, так и к формально гражданским, даже «демократически» созданным режимам [Абрамова 2002: 48; Абрамова, Фитуни 2015].

Правящая элита и ее влияние на политическую систему и культуру Африки

В период колонизации Африки наблюдалась тенденция к тому, что наряду с представителями традиционной доколониальной появляется новая европеизированная элита за счет национальной интеллигенции, предпринимателей, получивших европейское образование и приобщившихся к различным политическим течениям Запада, таким как консерватизм, либерализм и социализм. Одни предпочитали радикальные (революционные) методы, другие попытались частично сохранять национальную идентичность, например, *институт вождя*, оказывавший в течение столетий влияние на формирование сознания местного населения и политической элиты. Это была попытка сочетать традиционные и западные ценности, что нашло отражение в увеличении числа западных политических институтов, с одной стороны, и в демонстрации уважения к традиционным ценностям — с другой.

⁷ За исключением Эфиопской империи.

Общение с представителями колониальных управленческих структур, обучение в школах, созданных европейцами, возможность получения образования в Европе способствовали формированию у представителей элиты Африки новых политических интересов и ориентаций. Это обусловлено двумя факторами.

Первый основан на том, что постепенно увеличивалось количество молодежи, получавшей образование не только в местных, но и в зарубежных вузах, в том числе советских и американских. В силу общественного положения у элиты было больше возможностей приобщить своих детей к достижениям европейской культуры и цивилизации. Понимая необходимость модернизации традиционных политических институтов для дальнейшего успешного развития общества, новая элита начала процесс реформирования африканской традиционной политической культуры.

Второй фактор основан на том, что большое влияние на состояние политической культуры Африки оказало перенесение в нее европейских политических институтов (государство, политические партии и политизированные общественные движения), а также представительных, законодательных (парламент) и судебных органов власти по образцу европейских стран. При этом на некоторых территориях — Бенина, Ганы, Марокко, Мали, Нигерии, Камеруна, Конго — сохранялись и традиционные институты управления. Таким образом, политическая система постколониальной Африки состояла из двух подсистем: европейской и традиционной.

Эти факторы доказывают один из аспектов неопатримониалистического подхода. Так, например, К. Клепхэм в своей работе «Политика Третьего мира» предположил, что в рамках неопатримониализма система распределения политического управления в африканских странах будет базироваться на формально построенных правовых принципах [Clapham 1985: 48]. Другими словами, формально у власти находятся чиновники, занимающие должности в бюрократических аппаратах с условно определенными полномочиями, но реализацию жизненно важных

вопросов берут на себя европейские силы. Помимо этого следует особо отметить, что если в период колониализма метрополии использовали правящие аристократии в качестве агентов для контроля над местным населением, то в постколониальный период современные африканские политические элиты взяли на себя роль посредников между европейцами и африканцами по отдельным вопросам [Basse 2009: 30—31].

Впоследствии с современными политическими институтами страны Африки приобретали не столько демократические, сколько авторитарные традиции. В итоге «демократические ценности» либо отсутствовали, либо не укоренялись ни в политической культуре масс, ни в политической культуре элит. Результаты этого наряду с другими факторами и причинами до известной степени отразились на формировании в независимых странах Африки властных структур, а именно — в предпочтении президентских режимов парламентским [Косухин 2015].

Изучение африканских политических элит осложняется тем, что требует унифицированного рассмотрения региона, что невозможно в условиях разнородных типов государственного устройства стран Африки. Однако существует возможность выделения общих черт политических режимов, таких как: слабая институционализация политических систем, устойчивое преобладание неформальных политических отношений, длительные сроки пребывания лидеров у власти, партикуляристская экономическая политика [The Palgrave Handbook of Political Elites 2018: 241].

Во второй половине 80-х гг. XX в. практически во всех странах Африки заговорили о необходимости реформирования традиционной политической культуры и прежней политической структуры. Предполагалось сделать переход от однопартийной к многопартийной системе. Это являлось своеобразным условием демократизации политических систем в Африке. Но наличие большого числа политических партий не свидетельствует о высокой степени политического плюрализма в обществе. Многие партии малочисленны, иногда

довольно затруднительно определить их политико-идеологическую направленность. Кроме того, многие политические партии Африки представляли отдельные этносы, а не государство в целом. Из-за слабости оппозиционных партий их участие в политическом процессе определяется традициями, лояльностью по отношению к правящему режиму.

Кроме того, политические партии в странах Африки формируются в большинстве случаев не вокруг политической платформы или проводимой партией политики, а на основе взаимоотношений «патрон — клиент», то есть личных связей между лидерами и рядовыми членами, на взаимоотношениях клановости, этноплеменной общности, земляческих, религиозных и тому подобных принципах, никак не связанных ни с платформой, ни с политикой этой партии [Ефимова 1996].

В качестве примера можно привести Федеративную демократическую республику Эфиопию, где абсолютное большинство политических партий составляют этнические. Хотя пересмотренное Постановление о регистрации партий (Proc. No. 573/2008)⁸ признает только политические партии, созданные на национальном или региональном уровне, около 70 % зарегистрированных партий имеют этнические названия, что указывает на то, что они являются партиями, принадлежащими к конкретной языковой группе, проживающей в одном из штатов Эфиопии [Gebru 2014]. Более того, многие из партий, зарегистрированных как общенациональные, не скрывают свою принадлежность тому или иному этносу и используют его в качестве средства мобилизации населения.

Несмотря на выделенные партийные недостатки, с начала 1990-х гг. многопартийная демократия стала нормой во многих африканских странах. При этом никакой концептуальной или сравнительной работы на финальных стадиях ее внедрения проведено не было, и неиндустриализированные африканские страны получили те же установки по созданию системы, что и западные страны.

Л. Даймонд и Р. Гюнтер, одними из первых предложившие типологию политических партий для африканских стран, не видят в этом проблемы, утверждая, что наличие этнических партий только «разнообразит ландшафт концепции африканской политической конкуренции» [Diamond, Gunther 2001: 30—36]. С этим нельзя согласиться в полной мере в силу того, что отдельные этнические партии могут усиливать свое влияние за счет расширения общины, что оказывает давление на политическую систему и приводит к внутренним противоречиям. Кроме того, западные страны стремятся оказать внешнюю помощь исключительно партиям с общенациональным присутствием, избегая финансировать отдельные нестабильные объединения [Elischer 2013: 271]. Это приводит к трансформации внутриполитической системы, когда зачастую ключевые решения зависят от тех партий, которым удастся выдать интересы этнического большинства за общенациональные.

С завоеванием независимости страны Африки приступили к проведению и «самостоятельной» экономической политики. Первые десятилетия в истории Африки известны как эпоха оптимизма. Для постколониального развития государств Африки была характерна ключевая роль государства в преобразованиях, что в значительной мере было обусловлено слабостью национального частного капитала (буржуазии). В качестве одного из главных путей преодоления отсталости и ускорения развития рассматривалось создание обширного госсектора, контролировавшего основные сферы национальной экономики. Во многом это происходило путем национализации предприятий, принадлежавших представителям бывших метрополий.

Развитие госсектора сопровождалось ростом численности государственных служащих и административно-технического персонала, повышением социального статуса и престижа этого общественного слоя, на базе которого складывались привилегированные группы, превратившиеся в источник формирования новой элиты, частично трансформировавшейся впоследствии (в конце 1980-х — начале 1990-х гг.) в технократию.

⁸ The Revised Political Parties Registration Proclamation No. 573/2008 // Federal Negarit Gazette. No. 62. 24.09.2008. P. 4282–4312.

Приход к управлению государством нового поколения специалистов стал одним из наиболее знаковых процессов в государственной жизни стран Африки. Новые управленцы, получившие подготовку в вузах метрополии (их обучение часто оплачивалось правительством или общественными учреждениями бывших метрополий или ТНК), либералы по взглядам, занимают ключевые посты в правительстве, становятся видными деятелями региональных администраций. Они, как правило, хорошо образованны (преимущественно экономисты и юристы), некоторые имеют ученые степени, стажировались в бывших метрополиях.

Основные черты группы управленцев, которую условно можно назвать «новой бюрократией», заключаются в том, что они реформаторски ориентированы. Вместе с тем для них реформы — это ломка существующего порядка. Старый порядок (старшее поколение элит) является препятствием для ускорения развития страны, и прежде всего их самих⁹.

Таким образом, с точки зрения исторических условий период становления политической культуры правящих элит после обретения независимости можно разделить на два этапа: в 1960—1980 гг. у власти находилось первое поколение, с 1980 г. по настоящее время — второе поколение правящей элиты. Методы политического руководства как первого, так и второго поколений продолжают во многом оставаться авторитарными. Доминирование авторитарных форм правления объясняется лидерами обоих поколений одинаково: необходимостью решить острейшие или обостряющиеся социально-экономические проблемы, а также стремлением добиться консолидации нации.

При этом сосредоточение власти в руках одного человека (и его ближайшего окружения) оправдывается традиционными представлениями о власти, обосновывается с религиозной точки зрения и особенностями

национального менталитета. Это также подтверждает неопатримониальное поведение африканских стран, основанное на фракционизме, объясняющееся наличием в системе управления одного человека или строго ограниченного круга лиц, реализующих личные интересы [Lodge 2014: 1—2].

Для представителей первого поколения правящей элиты Африки была характерна идеализация самобытного аспекта социально-политического и экономического развития нации, что отразилось в поисках иного, отличного от «западного» пути развития. Африканская элита попыталась сопровождать это мероприятие путем создания идеологий: панафриканизма, африканского социализма, негритюда и т.д. Но из-за неконкурентоспособности этих идеологий африканцы вынуждены были ориентироваться на Запад (США) или на Восток (СССР). А после распада Советского Союза они вовсе лишились выбора.

Одна из особенностей лидеров второго поколения стран Африки состоит в том, что они ставили перед собой задачу следовать принципам «хорошего управления» в условиях недостаточного уровня экономического развития. «Хорошее управление» для большинства стран Африки означало, что программы помощи и кредиты МВФ и Всемирного банка, а также помощь со стороны стран-доноров сопровождаются не только экономическими, но и политическими условиями. Таким образом, промышленно развитые страны и организации, в которых они занимают ведущие позиции, обладают рычагами воздействия на правительства, не желающие или неспособные «эффективно» управлять своими странами [Пискунова 2008: 42—43]. Это и есть суть колониализма нового типа.

Армия в политической жизни стран Африки

Важная, а на отдельных этапах решающая, роль в политической жизни стран Африки принадлежит армии. Как утверждает Г.И. Мирский, армия — главный общенациональный институт в государстве, где нация

⁹ Организаторами и руководителями переворотов в Африке были люди, получившие образование в западных вузах.

еще проходит этап становления, где слабы общенациональные связи, где семейные, родовые, племенные, региональные связи определяют сознание людей в большей степени, чем чувство принадлежности к одной общности [Мирский 1976: 8—9]. То есть отсутствие сложившейся развитой системы государственного управления в странах Африки накануне завоевания независимости, а также тот факт, что именно военные (партизаны) руководили антиколониальной борьбой, обусловило их приход к власти.

Роль армии в политической жизни различных стран Африки далеко не одинакова. В одних при помощи армии были установлены революционно-демократические режимы. В других — армия не поддерживала их становление. Найти общий знаменатель сложно [Мирский 1976]. Однако была выявлена тенденция: степень милитаризации зависит от уровня жизни в стране. Так, существуют мнения, что чем беднее государство, тем более милитаризована власть и общество (примеры — Мозамбик, Сомали, Чад, Танзания) [Barany 2012: 288].

Таким образом, в каждой из стран Африки армия, а главным образом средние и высшие военные чины, наложили отпечаток на формирование политической культуры правящей элиты, способствовали становлению государственных институтов и влияли на пути и формы политического развития страны. Во многих странах Африки армия не просто взяла власть, она и способствовала приходу к власти нового поколения правящей элиты, сумевшей провести преобразования, способствовавшие экономическому развитию, повышению уровня жизни широких слоев населения. Примером могут служить армии Египта, Ливии, Нигерия и Ганы.

Этнический фактор в постколониальном развитии Африки

В процессе формирования общества колониального периода этнические группы были разделены или объединены практически без учета их общих характеристик или отличительных признаков. Они были помещены в новые административные рамки,

управляемые новыми ценностями, новыми институтами, новыми принципами и методами управления. Автономные локальные взгляды старого порядка были заменены контрольными механизмами государства, в которых верховной властью был чужеземец.

Этот механизм функционировал посредством централизации власти, которая в конечном итоге опиралась на полицию и военную силу, а также на инструменты авторитарного правления. Эта грубая сила, однако, была смягчена путем расширения государственного контроля за племенами и местными общинами, что придавало лидерам статус легитимных правителей. В добавление к этому виду легитимности была введена система социального обеспечения, с помощью которой «государство» предоставляло скудные социальные услуги и ограничивало возможности развития в привилегированных секторах. В противном случае национальные ресурсы добывались и экспортировались для обеспечения промышленности метрополий¹⁰.

Колониализм пытался блокировать этнические интересы, вовлечение этноса в политику. Различные этносы, проживавшие на одной территории, устанавливали отношения по вертикали (этнос — колонизатор), а не по горизонтали (этнос — этнос). Поэтому этническая иерархия имела место лишь по отношению к центральной власти (колонизатору). Но в 1960-е гг. с приобретением независимости общий враг — «колониальный угнетатель» — был устранен, начались разногласия, которые привели к серьезным конфликтам и даже геноциду, как это было в Руанде или в Судане [Кассае Ныгусие 2016b].

Через несколько десятилетий после обретения независимости африканскими государствами стало очевидно, что «первые лидеры освободившихся стран не осознавали того факта, что в большинстве случаев возглавляемые ими государства представляли собой мозаику плохо или вовсе не интегрированных

¹⁰ Deng F.M. Ethnicity an African predicament // Brookings. June 1, 1997. URL: <https://www.brookings.edu/articles/ethnicity-an-african-predicament/> (accessed: 08.01.2020).

местных сообществ, в которых существовали противоречащие друг другу схемы подчинения (то есть распределения власти), равно как и не учитывались пределы располагаемых ресурсов и возможностей» [Austin 1984: 15].

После обретения независимости африканцы стремились дезавуировать этнический (племенной) подход как разделительный. Единство было постулировано таким образом, что предполагало мифическую однородность среди разнообразия. Кваме Нкрума — первый лидер Ганы — запретил наличие политических партий, организованных на племенных или этнических основах. Ф. Уфуэ-Буаньи, руководивший Кот-д'Ивуаром в 1960—1993 гг., объединил этнические группы благодаря умелому распределению министерских постов, государственных должностей, социальных услуг и проектов развития. Джулиус Ньерере попытался искоренить межплеменные межэтнические разногласия путем поощрения танзанийского национализма. Кенийский лидер в 1964—1978 гг. Джомо Кениата попытался сформировать альянс этнических групп, при этом его партия Кенийский Африканский Национальный Союз была доминирующей¹¹.

Сегодня практически каждый африканский конфликт имеет этноконфессиональное измерение. Даже в тех конфликтах, которые могут казаться свободными от этнических проблем, участвуют группировки и их союзники, основываясь на этнической принадлежности. В условиях экономического кризиса, перехода к другой формации в людях воспитывается фанатичная преданность своей группе, доходящая до полного отрицания прав других групп. Политики используют любые методы для сплочения населения, оправдываются любые действия, в том числе применение самых жестоких мер и методов по отношению к своим противникам. Негативные стереотипы и образ врага искусственно поддерживаются участниками конфликтов

и закрепляются в сознании населения. Более того, негативное восприятие другого этноса или другой конфессиональной группы порой намеренно культивируется правящими кругами для того, чтобы стимулировать продолжение войны и отвлечь основную часть населения от социально-экономических трудностей [Кассае Ныгусие 2016b].

В большинстве африканских стран решимость сохранить национальное единство после независимости послужила мотивом для оправдания однопартийного правления, чрезмерной централизации власти, репрессивных авторитарных режимов и систематического нарушения прав человека и основных свобод. Это, в свою очередь, вызвало реакцию, проявляющуюся в усилении напряженности и требования второго освобождения¹². В настоящее время управление этническим разнообразием в рамках сохранения колониальных границ является главной задачей государств Африки. При этом не только практических, но и теоретических подходов и механизмов для разрешения межэтнических межконфессиональных конфликтов не существует.

В Африке выделяется несколько волн конфликтности, которые, возникнув в локальных очагах, распространились на регионы и субрегионы континента. Из этого следует, что «горячие точки» Африки — это не только точки столкновения интересов и двусторонних претензий политического, территориального или экономического характера, это «узлы конфликтности», которые образовались путем трансформации, «перетекания» внутреннего для страны конфликта в пограничный, затем в конфликт в другой стране и т.д. Подобный процесс опасен тенденцией перерастания в «волны конфликтности», которые могут охватить весь континент. Путем «перетекания» конфликт, сгенерированный претензиями двух сторон и зачастую в рамках одного государственного образования, становится самовоспроизводящимся и обретает ускорение, собственную динамику и логику. Такая ситуация показательна, так как демонстрирует общемировую тенденцию [Пискунова 2008: 42—43].

¹¹ Deng F.M. Ethnicity an African predicament // Brookings. June 1, 1997. URL: <https://www.brookings.edu/articles/ethnicity-an-african-predicament/> (accessed: 08.01.2020).

¹² Ibid.

По мнению современных конфликтологов, отличительной чертой конфликтов XXI в. стала не только трудность управления, но и тенденция перерастания локальных конфликтов в региональные. В конечном итоге изначальные противоречия противников порой не имеют ничего общего с тем, во что они превращаются. Пристального изучения заслуживают два фактора. Прежде всего, это феномен общемирового значения, связанный с взрывом конфликтности после окончания холодной войны. Другой фактор — усиление конфликтности на континенте и дезинтеграция ряда государств; сам по себе этот фактор не является новым феноменом, но потенциал конфликтности в Африке сегодня как никогда высок: континентальные противоречия более не сдерживаются мощными игроками извне.

Межафриканские отношения

В постколониальные годы лучшие умы Африки были заняты поиском путей достижения полной независимости (политической, военной, экономической, культурной) континента от европейского господства. При этом мнения среди лидеров африканских стран разделились. Одни считали, что Африка может достичь желаемых результатов, приступив к немедленному объединению всех государств континента, другие полагали, что наиболее эффективным решением будет создание экономического союза на базе отношений, заложенных колонизаторами. Результатом этих разногласий стало появление на политической арене Африки в начале 60-х гг. XX в. радикальных (К. Нкрума, А. Секу Туре, Г. Абдель Насер), умеренных (Л. Седар Сенгор), консервативных (Ф. Уфуэ-Буаньи) и нейтральных (император Хайле Селассие I) лидеров.

В 1958 г. лидер Золотого Берега К. Нкрума созвал Конференцию независимых африканских государств в Аккре, столице Ганы. Конференция состоялась 8—13 декабря и проходила под лозунгом борьбы за завоевание всеми народами Африки политической независимости. Среди множества проблем, которые обсуждались на конференции,

наиболее злободневными на тот исторический момент были: выработка единой линии в области внешней политики африканских государств; меры защиты независимости, суверенитета и территориальной интеграции континента; пути и средства расширения экономического сотрудничества между государствами Африки, основанного на технических, научных и информационных обменах; культурный обмен между африканскими странами [Кассае Ныгусие 2016а: 240—241]. Конференция призывала все народы Африки к единству. На конференции было решено ежегодно отмечать «День свободной Африки» 15 апреля [Кассае Ныгусие 2013: 58]. Участники конференции также договорились встречаться каждые два года и решили, что вторая конференция состоится в Аддис-Абебе, столице Эфиопии, в 1960 г.

Аддис-Абесская конференция 1960 г. проходила 14—24 июня с участием руководителей 9 стран: Ганы, Гвинеи, Камеруна, Либерии, Ливии, Марокко, ОАР, Туниса, Эфиопии и представителей Временного правительства Алжирской Республики. Конференция обсудила важные международные и общеафриканские проблемы и приняла ряд резолюций, в которых осудила проведение любых испытаний ядерного оружия на территории Африки. Участники впервые обратили внимание африканских государств на опасность неокOLONиализма и рекомендовали установить действенный контроль над иностранными фирмами, а также потребовали от колониальных держав определить даты предоставления независимости всем территориям, еще остающимся в колониальной зависимости.

С самого начала было понятно, что реальными движущими силами, имеющими власть и средства для достижения цели объединения Африки, являются лидеры государств. Иными словами, судьба единства Африки до определенной степени находилась в их руках. Идея единства пропагандировалась среди африканцев, получивших образование в европейских или созданных в Африке европейцами учебных заведениях. «Европеизированная» африканская элита имела более адекватное

представление о понятии единства, нежели большинство населения, для которого оно было абстрактным и непонятным явлением.

В 1961—1962 гг. из-за политических разногласий между африканскими государствами все попытки созвать общеафриканскую конференцию оказались безуспешными, образовались первые межгосударственные политические группы.

15—19 декабря 1960 г. представители 12 государств Африки: Камеруна, Центральноафриканской Республики, Чада, Конго (Браззавиль), Дагомеи (с 1975 г. Народная Республика Бенин), Габона, Берега Слоновой Кости (с 1985 г. Республика Кот-д’Ивуар), Малагасийской Республики (Мадагаскар), Мавритании, Нигера, Сенегала, и Верхней Вольты (с 1984 г. Буркина-Фасо)¹³ встретились в Браззавиле, чтобы обсудить положение в Алжире. Эти страны ничего не объединяло кроме их колониального прошлого, и того, что французский язык стал государственным. На встрече в Браззавиле было принято коммюнике, в котором стороны подчеркивали желание более интенсивно сотрудничать в области экономики и культуры, а также выработать единую позицию во внешней политике [Кассае Ныгусие 2016b: 241—242].

Надо заметить, что отношения между упомянутыми странами не всегда были основаны на полном взаимопонимании и доверии. Л. Седар Сенгор, лидер Сенегала, и Ф. Уфуэ-Буаньи, лидер Кот-д’Ивуара, соперничали между собой за лидерство, а А. Секу Туре, лидер Гвинейской Республики, враждовал с Ф. Уфуэ-Буаньи [Anda 2000: 81]. Тем не менее «Браззавильская группа» оказалась достаточно гармоничной и многочисленной. Она объединила африканские государства, политический курс которых отличался консерватизмом и умеренностью.

В январе 1961 г. после конференции, которая проводилась в Касабланке (Марокко), начала свою деятельность и радикальная группа, позже получившая название «Касабланкской». В конференции принимали участие Египет, Гана, Гвинея, Мали, Марокко,

представители Ливии и временное правительство Алжирской Республики. Тунис, Нигерия, Либерия и Того отклонили приглашение. По итогам конференции была принята Африканская хартия (Устав), и было решено создать военное командование африканских государств и африканский общий рынок. Кроме того, были созданы постоянные органы, включая экономические, культурные и политические комитеты, высшее командование и штаб в Бамако (Мали) [Кассае Ныгусие 2013: 61].

«Монровийская» группа сформировалась после конференции, проведенной в Монровии (Либерия), в мае 1961 г. В этом форуме принимали участие представители 19 стран (Камеруна, Центральноафриканской Республики, Чада, Республики Конго, Кот-д’Ивуара, Дагомеи, Эфиопии, Габона, Либерии, Мадагаскара, Мавритании, Нигера, Нигерии, Сенегала, Сьерра-Леоне, Сомали, Того, Туниса и Верхней Вольты). В неё вошли все члены «Браззавильской группы», Ливия и большинство бывших британских колоний.

К «Монровийской группе» присоединились независимые африканские государства, лидеры которых считали, что международная политика Африки не была адекватно представлена группами «Касабланка» и «Браззавиль». К ней примкнули такие государства, как Нигерия, Кот-д’Ивуар, Сенегал, Сьерра-Леоне, Либерия. Этой группе симпатизировали, в частности, Эфиопия, Судан и Сомали.

«Монровийская группа» встретила снова (за исключением Туниса и с включением бывшего бельгийского Конго) в январе 1962 г. в Лагосе (Нигерия) с целью создания постоянного секретариата и постоянной комиссии министров финансов с целью разработки и подписания хартии (устава) Организации африканских государств и острова Мадагаскар.

Две группы заняли разные позиции по вопросам, касающимся роли государства в национальной экономике, а также отношениях с бывшими колонизаторами. Неоднозначно реагировали они на присутствие в Африке коммунистических государств (СССР, стран Восточной Европы, Китая). «Касабланкская

¹³ Гвинея и Мали бойкотировали встречу.

группа» предлагала установить государственный контроль над всеми средствами производства, аргументируя это тем, что лишь в условиях полной экономической независимости возможна политическая свобода. Это означало необходимость расширения государственного сектора в национальной экономике за счет национализации иностранных предприятий. В Гане в начале 1960-х гг. были созданы государственные предприятия.

К. Нкрума, премьер-министр и первый президент независимой Ганы, был глубоко убежден, что социалистический подход поможет ускорить трансформацию отсталой традиционной экономики в развитую индустриальную. И в Гвинее, и в Мали была введена государственная монополия на внутреннюю и внешнюю торговлю. В Египте также прошла национализация многих предприятий. Это был ответ бывшим метрополиям, которые, по мнению «Касабланкской группы», пытались осуществлять контроль над экономикой бывших колоний через различные экономические, дипломатические ухищрения и механизмы, что является «несправедливым и нелегитимным». Члены группы призывали африканцев занять жесткую единую позицию по отношению к неокOLONIALНЫМ методам эксплуатации Африки.

Многие африканцы полагали, что расхождение во взглядах, которое демонстрировали обе группы, является непреодолимым и что единство Африки представляет собой недостижимую цель. Но в мае 1963 г. произошло событие, примирившее расколовшихся на две группы африканских лидеров, — была созвана первая общеафриканская конференция глав государств и правительств.

Преодолев все препятствия и трудности, 22 мая 1963 г. удалось созвать в Аддис-Абебе конференцию независимых африканских государств. 25 мая 1963 г. главы 32 государств Африки: Алжира, Дагомеи, Верхней Вольты, Камеруна, Центральноафриканской Республики, Чада, Конго, Республики Конго (Браззавиль), Демократической Республики Конго (с 1971 по 1997 г. Заир), Египта, Габона, Ганы, Гвинеи, Берега Слоновой Кости, Либерии, Ливии, Мадагаскара,

Мали, Мавритании, Марокко, Нигерии, Нигера, Руанды, Сенегала, Сьерра-Леоне, Сомали, Судана, Танзании, Того, Туниса, Уганды, Эфиопской империи (с 1991 г. Федеративная Демократическая Республика Эфиопия) — поставили свои подписи под уставом Организации африканского единства (ОАЕ) в Аддис-Абебе. Основным принципом деятельности ОАЕ стало «уважение суверенитета и территориальной целостности каждой страны и ее неотъемлемого права на независимое существование»¹⁴.

Создание ОАЕ было действительно важным этапом в истории постколониальной Африки. С этого момента африканские страны могли объединить свои усилия в борьбе против колониализма и апартеида. Они начали действовать сообща на международной арене. Но создание ОАЕ и принятие Хартии не означало, что проблемы, связанные с пограничными спорами, нашли автоматическое разрешение. Некоторые радикально настроенные лидеры уже во время конференции заявили, что всецело не разделяют идеи, положенные в основу Хартии ОАЕ. Кардинальные изменения в расстановке политических сил в мире за время существования Организации африканского единства (1963—2001) стали основными причинами создания Африканского союза, заменившего ОАЕ.

Инициатором преобразования ОАЕ в АС стал лидер Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии полковник Муаммар Каддафи, предложивший на состоявшемся 12—14 июля 1999 г. в Алжире ежегодном очередном саммите ОАЕ созвать внеочередную сессию ОАЕ в Ливии с целью обсуждения путей и средств повышения ее эффективности, необходимости отвечать на вызовы глобализации, с тем чтобы сохранить социальный, экономический и политический потенциал Африки [Кассае Ныгусие, Пономаренко, Савичева 2020]. Решение

¹⁴ Resolutions adopted by the First Conference of Independent African Heads of State and Government Held in Addis-Ababa. Ethiopia, from 22 to 25 May 1963 // OAU Secretariat. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/32247-1963_cias_plen_2-3_cias_res_1-2_e.pdf (assessed: 10.01.2020).

о создании АС было принято в сентябре 1999 г. на чрезвычайной встрече на высшем уровне ОАЕ в г. Сирте (Ливия).

В июле 2000 г. на саммите ОАЕ в г. Ломе (Того) главы государств стран Африки одобрили Учредительный акт АС. В июле 2001 г. на 37-й сессии Ассамблеи ОАЕ, которая состоялась в г. Лусаке (Замбия), был утвержден пакет документов, определяющих структуру и правовую базу новой организации. К этому моменту Акт, заменивший Устав ОАЕ, ратифицировало 51 государство, хотя Хартия ОАЕ продолжала действовать еще год в течение переходного периода от ОАЕ к АС.

26 мая 2001 г. на базе прекратившей существование Организации африканского единства была создана региональная международная межправительственная организация Африканский союз (АС), объединившая 53 государства континента.

Первый саммит Африканского союза состоялся в июле 2002 г. в г. Дурбане (ЮАР). Председателем АС был избран президент Южно-Африканской Республики Табо Мбеки. Членами АС являются все государства континента, кроме Королевства Марокко, которое прекратило свое участие в работе ОАЕ после принятия в ее члены Сахарской Арабской Демократической Республики.

Основным отличием АС от ОАЕ является то, что приоритетом в деятельности новой организации является экономическая интеграция, а не политическая. Это говорит о готовности к поступательному развитию интеграционных процессов. Тем не менее АС не отказывается полностью от основных принципов ОАЕ, таких как уважение государственных границ государств-членов, установленных на момент получения ими независимости, содействие единству, солидарности, сплоченности и сотрудничеству между народами и государствами Африки, защита суверенитета, территориальной целостности государств-членов, содействие поддержанию мира, безопасности и стабильности на континенте, эффективное разрешение региональных конфликтов. Новыми в акте АС являются положения, согласно которым к участию в работе АС не допускаются представители

правительств, пришедших к власти неконституционным путем, а ведение диалога с мировым сообществом разрешается только с единых позиций.

Заключение

В результате проведенного исследования можно говорить о том, что постколониальный период африканской истории вызывает живой интерес у экспертов, оценивающих потенциал региона и отдельных стран. Это связано, прежде всего, с тем, что на континенте не закончилось формирование основных политических структур, а также с постоянно меняющейся обстановкой в государственном секторе управления. Теория неопатримониализма стала неким связующим звеном между внутривнутриполитическими процессами в странах Африки и внешним фактором вмешательства и помощи европейских стран африканским государствам.

Именно с помощью вышеуказанной теории удалось показать дуалистический характер влияния бывших метрополий на процесс создания африканских государств в первый период постколониализма. С одной стороны, именно европейские страны стали инициаторами формирования границ в Африке без учета специфики исторических, этнических и культурных особенностей, что в результате привело к внутривнутриполитическим конфликтам на континенте. С другой стороны, без европейского влияния на процессы создания государственных структур с частичным сохранением традиционных систем ценностей практически невозможно представить современную африканскую элиту, она просто не смогла бы сдерживать отдельные этнические инициативы и не имела бы навыков управления.

Относительно ситуации с военными силами в африканских странах следует отметить, что армия остается важным звеном внутривнутриполитической обстановки на континенте. Это обусловлено региональной нестабильностью и высоким конфликтным потенциалом. Здесь внешний фактор — вмешательство европейских акторов — играет хоть и значимую, но скорее негативную роль.

Помощь в усилении военных структур отдельных африканских государств, зачастую без оглядки на их реальные нужды, представляет собой не столько желание содействовать развитию, сколько реализует европейские цели по расширению своего потенциала в Африке. В целом именно военная сфера — самая сложная для преодоления проблем в постколониальный период.

Что касается процесса появления африканских межгосударственных политических групп, то этот вопрос тесно связан с

проблемой этносов и формированием новых политических элит. Очевидно, что интеграционные процессы в регионе складывались как благодаря внутренним, так и внешним факторам. К внутренним относится готовность лидеров стран создавать субрегиональные группы для усиления собственных позиций в масштабах континента, а к внешним — признание европейскими странами уже сформировавшихся в XXI в. международных организаций в Африке.

Поступила в редакцию / Received: 23.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 22.02.2020

Библиографический список

- Абрамова И.О. Страны Африки 2002. Альманах. М.: Институт Африки РАН, 2002.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал региона Африки к югу от Сахары // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 167—173.
- Африканские страны в современных международных отношениях: новые рубежи / под ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясова. М.: Институт Африки РАН, 2017.
- Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12. С. 15—20.
- Ефимова Л.М. Политическая культура стран Азии и Африки. М.: МГИМО, 1996.
- Кассае Ныгусие В.М. Император Хайле Селассие I и Организация африканского единства (к 50-летию Африканского союза) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3. С. 57—71.
- Кассае Ныгусие В.М. Хайле Селассие I — император Эфиопии. М.: РУДН, 2016а.
- Кассае Ныгусие В.М. Этнические конфликты и проблемы их разрешения в Африке в начале XXI века // Конфликтология / nota bene. 2016b. № 3. С. 183—189. DOI: 10.7256/2454-0617.2016.3.21948
- Кассае Ныгусие В.М., Пономаренко Л.В., Савичева Е.М. Особенности африканского вектора внешней политики Муаммара Каддафи: от арабского единства к panaфриканизму // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 234—244. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi11
- Косухин Н.Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. М.: Институт Африки РАН, 2015.
- Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М.: Наука, 1976.
- Пискунова Н.И. Внутриполитические трансформации в странах Африканского Рога: тенденции и/или угрозы? // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 1. С. 41—54.
- Anda M. International Relations in Contemporary Africa. N.Y.: University Press of America, 2000.
- Austin D. Politics in Africa. Hanover, NH: University Press of New England, 1984.
- Barany Z. The Soldier and the Changing State. Princeton University Press, 2012.
- Bassef M.O. Higher Education and the Rise of Early Political Elites in Africa // Review of Higher Education in Africa. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 30—38.
- Berman B. J. Ethnicity, Patronage and the African State: The Politics of Uncivil Nationalism // African Affairs. 2018. Vol. 97. P. 305—341. DOI: 10.2307/723213
- Bratton M., Van de Walle N. Neopatrimonialism Regimes and Political Transitions in Africa // World Politics. 1994. Vol. 46. P. 453—489. DOI: 10.2307/2950715
- Cheeseman N., Bertrand E., Husaini S. A Dictionary of African Politics. Oxford University Press, 2019.
- Clapham C. Third World Politics. London: Helm, 1985.
- Diamond L., Gunther R. Types and Functions of Parties // Political Parties and Democracy / Ed. by L. Diamond, R. Gunther. The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 3—39.
- Elischer S. Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation. Cambridge University Press, 2013.
- Fanon F. The Wretched of the Earth. N.Y.: Grow Press, 2005.

- Gebru S.G. Political Parties, Party Programmaticity and Party System in Post 1991 Ethiopia // *European Scientific Journal*. 2014. Vol. 10. No. 16. P. 417—440.
- Lodge T. Neo-patrimonial Politics in the ANC // *African Affairs*. 2014. Vol. 113. No. 450. P. 1—23. DOI: 10.1093/afraf/adt069
- The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History* / Ed. by M.S. Shanguhya, T. Falola. Palgrave Macmillan, 2018.
- The Palgrave Handbook of Political Elites* / Ed. by H. Best, J. Higley. Palgrave Macmillan, 2018.
- Whitaker B.E., Clark J.F. Africa's International Relations. Balancing Domestic and Global Interests. Lynne Rienner, 2018.

References

- Abramova, I.O. & Fituni, L.L. (2015). Economic Attractiveness and Investment Potential of the African Region to the South of Sahara. *Problems of the Modern Economics*, 3, 167–173. (In Russian).
- Abramova, I.O. (2002). Countries of Africa 2002. Almanac. Moscow: Institute of African Studies RAS publ. (In Russian).
- Anda, M. (2000). *International Relations in Contemporary Africa*. N.Y.: University Press of America.
- Austin, D. (1984). *Politics in Africa*. Hanover, NH: University Press of New England.
- Barany, Z. (2012). *The Soldier and the Changing State*. Princeton University Press.
- Bassey, M.O. (2009). Higher Education and the Rise of Early Political Elites in Africa. *Review of Higher Education in Africa*, 1 (1), 30—38.
- Berman, B.J. (2018). Ethnicity, Patronage and the African State: The Politics of Uncivil Nationalism. *African Affairs*, 97, 305—341. DOI: 10.2307/723213
- Best, H. & Higley, J. (Eds.). (2018). *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Palgrave Macmillan.
- Bratton, M. & Van de Walle, N. (1994). Neopatrimonialism Regimes and Political Transitions in Africa. *World Politics*, 46, 453—489. DOI: 10.2307/2950715
- Cheeseman, N., Bertrand, E. & Husaini, S. (2019). *A Dictionary of African Politics*. Oxford University Press.
- Clapham, C. (1985). *Third World Politics*. London: Helm.
- Denisov, A.V. & Urnov, A.Y. (2010). The Soviet Union and Decolonization of Africa. *Asia and Africa Today*, 12, 15—20. (In Russian).
- Deych, T.L. & Korendyasov, E.N. (Eds.). (2017). African Countries in Modern International Relations: New Frontiers. Moscow: Institute of African Studies RAS publ. (In Russian).
- Diamond, L. & Gunther, R. (2001). Types and Functions of Parties. In: Diamond, L. & Gunther, R. *Political Parties and Democracy*. The Johns Hopkins University Press. P. 3—39.
- Efimova, L.M. (1996). The Political Culture of the Countries of Asia and Africa. Moscow: MGIMO Universitet publ. (In Russian).
- Elischer, S. (2013). *Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation*. Cambridge University Press.
- Fanon, F. (2005). *The Wretched of the Earth*. N.Y.: Grow Press.
- Gebru, S.G. (2014). Political Parties, Party Programmaticity and Party System in Post 1991 Ethiopia. *European Scientific Journal*, 10 (16), 417—440.
- Kassae Nygusie, V.M. (2016b). Ethnic Conflicts and Problems of Their Resolution in Africa at the Beginning of the 21st Century. *Conflictology / nota bene*, 3, 183—189. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0617.2016.3.21948
- Kassae Nygusie, V.M., Ponomarenko, L.V. & Savicheva, E.M. (2020). Features of the African Vector of Muammar Gaddafi's Foreign Policy: from Arab Unity to Africanism. *Voprosy istorii*, 1, 234—244. (In Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi11.
- Kassaye Nigusie, W.M. (2013). Emperor Haile Selassie (I) and the Organization of African Unity (Devoted to the 50th Anniversary of the African Union). *RUDN Journal of World History*, 3, 57—71. (In Russian).
- Kassaye Nigusie, W.M. (2016a). *Haile Selassie I — Emperor of Ethiopia*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).
- Kosukhin, N.D. (2015). *Political Leadership in Africa: Past and Present*. Moscow: Institute of African Studies RAS publ. (In Russian).
- Lodge, T. (2014). Neo-patrimonial Politics in the ANC. *African Affairs*, 113 (450), 1—23. DOI: 10.1093/afraf/adt069
- Mirsky, G.I. (1976). *“Third World” Society, the Government, and Army*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Piskunova, N.I. (2008). Internal Political Transformations in the Horn of Africa: Trends and/or Threats? *Vestnik MGIMO University*, 1, 41—54. (In Russian).

Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). (2018). *The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History*. Palgrave Macmillan.

Whitaker, B.E. & Clark, J.F. (2018). *Africa's International Relations. Balancing Domestic and Global Interests*. Lynne Rienner.

Сведения об авторах: *Кассае Ныгусие Вольде Микаэль* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kassae-nv@rudn.ru).

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).

About the authors: *Kassaye Nigusie Wolde Mikhael* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kassae-nv@rudn.ru).

Ivkina Natalia Viktorovna — PhD in History, Senior Lecturer, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).